

AURUM IGNE PROBATUM: БИБЛЕЙСКИЙ СИМВОЛ В ХРОНИКАХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Е. А. Гуринов
(Минск, Беларусь)

Работая со средневековыми хрониками, историк-медиевист часто сталкивается с цитатами или парафразами из Библии. Само по себе это не удивительно, учитывая ту роль, которую Библия играла в жизни средневекового человека¹. Для хронистов, у большинства клириков и монахов, она была подлинным кладезем идей, образов и мотивов. Вкрапление в собственный текст библейских цитат и аллюзий позволяло переосмыслить описываемые в нем события и факты. Включенная в текст хроники цитата одновременно сохраняла первоначальный контекст и приобретала новый. Столкнувшись с ней, читатель восстанавливал в памяти первоначальный контекст, переносил его смыслы на описанное в тексте. Другими словами, прочтение текста шло уже на новом уровне, можно сказать, на уровне метанарратива.

Уже давно отмечено обилие прямых и скрытых библейских цитат в хрониках крестовых походов². Рассматривая крестовые походы как священную войну, хронисты обращались в поисках ее архетипа именно к Библии³. Наибольшей популярностью пользовались ветхозаветные сюжеты, в частности, маккавейские войны, которые рассматривались как один из библейских архетипов крестового похода⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению символической роли образа «золота, испытанного огнем» в нарративе хронистов, кратко остановимся на роли золота в средневековом символизме вообще. Долгое время христианская Европа испытывала недостаток в золоте, и это обстоятельство определило отношение к нему как к сказочному металлу, привозимому с Востока. Золото было связано

¹ *The Practice of the Bible in the Middle Ages: Production, Reception, and Performance in Western Christianity*, ed. S. Boynton and D. J. Reilly. — NY., 2011.

² Луцицкая, С. И. Библейские цитаты в хрониках крестовых походов // *Одиссей. Человек в истории*. — М., 2003. — С. 65–72; Alphandéry, P. Les citations bibliques chez les historiens de la première croisade // *Revue de l'histoire des religions*. — Т. 99. — № 2–3 (1929). — Р. 139–157.

³ Минин, А. *Первый крестовый поход в средневековой культуре: договор бога и человека в нарративе хронистов: Дисс. к. и. н.* — М., 2009. — С. 28–72.

⁴ Gougenheim, S. Les Maccabées, modèles des guerriers chrétiens des origines au XIIe siècle // *Cahiers de civilisation médiévale*. — Vol. 54. — 2011. — Р. 3–20; Morton, N. The Defence of the Holy Land and the Memory of the Maccabees // *Journal of Medieval History*. — Vol. 36. — 2010. — Р. 275–293.

с богатством и служило для репрезентации высокого социального положения и власти его владельца. Вместе с тем связанное со сферой небесного, сакрального и божественного, оно играло значительную символическую функцию⁵. Золото связывалось с блеском солнца, теплом, плотностью и весом; символизировало цвет, свет и огонь. Цвет, «означаемый» золотом, был цветом совершенно особого рода. Согласно М. Пастуро, это «сверхбелый» цвет — цвет божественного. Золото также представляло собой образ пламенеющего блистания Божьей славы. Можно сказать, что если золото — это «абсолютная метафора» света, то свет, в свою очередь, — «абсолютная метафора» Бога. Своеобразным признанием статуса золота было его обилие в церкви⁶.

Образ золота, испытываемого прохождением через огонь, встречается на страницах Библии неоднократно⁷. Наиболее полно эта схема развернута в книге Захарии⁸, книги Премудрости Соломона⁹ и книге Иисуса, сына Сирахова¹⁰. Общий смысл библейских цитат, таким образом, может быть сведен к следующему. Проходя через огонь (плавильню, печь, горнило), золото и/или серебро тем самым испытываются, плавятся и очищаются. Сходным образом испытывается человек и его сердце (*Prov.* 17.3). В качестве испытателя чаще всего выступает Бог¹¹, а в качестве испытания — страдания (*Sap.* 3:1–6),

⁵ Balard, M. «Gold», *Encyclopedia of the Middle Ages*, 2 vols., ed. A. Vauchez, B. Dobson and M. Lapidge. — Chicago, 2000. — vol. 1. — P. 619.

⁶ Аверинцев, С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Аверинцев, С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. — СПб., 2004. — С. 404–425; Пастуро, М. *Символическая история европейского Средневековья* / пер. Е. Решетниковой. — СПб., 2012. — С. 152–154.

⁷ В тексте Вульгаты нами были выявлены следующие места: *Job* 23.10; *Sap.* 3.1–6; *Sirah* 2.4–5; *Prov.* 17.3, 27.21; *Mal.* 3.2–3; *Zach.* 13.8–9; 1 *Pet.* 1.7.

⁸ «Et erunt in omni terra, dicit Dominus: partes duae in ea dispergentur, et deficient: et tertia pars relinquetur in ea. Et ducam tertiam partem per ignem, et uram eos sicut uritur argentum, et probabo eos sicut probatur aurum. Ipse vocabit nomen meum, et ego exaudiam eum. Dicam: Populus meus es: et ipse dicet: Dominus Deus meus» (*Zach.* 13.8–9).

⁹ «Justorum autem animae in manu Dei sunt, et non tangent illos tormentum mortis. Visi sunt oculis insipientium mori, et aestimata est afflictio exitus illorum, et quod a nobis est iter exterminium; illi autem sunt in pace: etsi coram hominibus tormenta passi sunt, spes illorum immortalitate plena est. In paucis vexati sunt, in multis bene disponentur, quoniam Deus tentavit eos, et invenit illos dignos se. Tamquam aurum in fornace probavit illos, et quasi holocausti hostiam accepit illos, et in tempore erit respectus illorum» (*Sap.* 3.1–6).

¹⁰ «Omne quod tibi applicitum fuerit accipe: et in dolore sustine, et in humilitate tua patientiam habe: quoniam in igne probatur aurum et argentum, homines vero receptibiles in camino humiliationis. Crede Deo, et recuperabit te» (*Sirah.* 2.4–6).

¹¹ Это могут быть и уста, которые хвалят (*Prov.* 27.21).

скорбь и всяческие унижения (*Sirah* 2.5). Прошедшие испытания становятся народом Божиим (*Zach.* 13.9), могут по справедливости приносить жертвы Господу (*Mal.* 3.3), получают бессмертие (*Sap.* 3.4) и свободу (*Sirah* 2.5). Короче говоря, посредством всех этих невзгод испытывается вера человека (1 *Pet.* 1.7), в результате чего последний получает заслуженное воздаяние.

Хроники крестовых походов содержат не очень большое, но достаточное для обобщения число отсылок к рассматриваемому символу. Вместе с тем мы полагаем, что он был известен крестоносцам гораздо лучше, нежели это получило отражение в хрониках. Так, анонимный автор хроники «*Gesta Francorum*» вложил в уста тюркского предводителя Кирбути цитату, в которой характеризует тюркское оружие как «*nostra arma, quae bis aut ter sive quater sunt colata aut purgata seu argentum aut aurum purissimum*»¹². Сегодня историки признают, что Аноним был не клириком, а рыцарем¹³. Это означает, что библейский образ «золота, испытанного огнем» был широко распространен в среде крестоносцев, раз его употребляет в своем тексте представитель *bellatores*.

Хронисты обращаются к образу испытанного в огне золота, прежде всего, при описании страданий христиан. Описывая с подчеркнутым натурализмом муки голода и холода, постигшие осаждавших Антиохию крестоносцев, Фуше Шартрский резюмирует: «...itaque illi quasi aurum ter probatum igni septiesque purgatum, iamdudum a Domino praelecti, ut opinor, et in tanta calamitate examinati, a peccatis suis mundati sunt (курсив мой — Е. Г.). diu enim agonizantes, si etiam gladius percussoris non deesset, martyrii cursum multi voluntarie compleissent. forsitan a sancto Iob gratiam tanti exempli sumpserunt, qui in tormentis corporis sui animam purgans, Deum semper in mente tenuit. cum paganis bellant, propter Deum laborant»¹⁴.

Своеобразным архетипом здесь стала фигура ветхозаветного Иова, со страданиями которого сравниваются страдания крестоносцев. Ипользованный Фуше образ «золота, испытанного огнем», встречается в книге Иова (*Job* 23.10), хотя, надо признать, в данном случае отрывок в хронике не является прямой цитатой. Аллюзией на книгу Иова является и пассаж про то, как крестоносцы предпочитали скорой смерти путь мученичества¹⁵.

¹² *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*, hrsg. H. Hagenmeyer. — Heidelberg, 1890. — XXI : 7, S. 321; сравн. : *Petri Tudebodi seu Tidebovis, Sacerdotis Sivracensis, Historia de Hierosolymitano Itinere*. — *RHC*. — Т. 3. — X : 4, P. 62.

¹³ Историографическую сводку см. : *Деяния франков и прочих иерусалимцев* / пер. и комм. Т. Г. Мякина и др. — Новосибирск, 2010. — С. 114—115. Возможно, именно поэтому образ «золота, испытанного огнем» применяется им по отношению к оружию.

¹⁴ *Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana (1095—1127)*, hrsg. H. Hagenmeyer. — Heidelberg, 1913. — I : 16, S. 224—227.

¹⁵ Вспомним, что страдая, Иов желал смерти (*Job* 3.1—22, 6.8—9), но вместе с тем продолжал переносить посланные ему мучения (*Job* 2.9—10).

Вместе с тем можно отметить определенную двойственность у Фуше. Если крестоносцы сравниваются с Иовом, то, следовательно, и их мучения должны рассматриваться как испытания. Как известно, Иов вел жизнь праведника (*Job* 1.1), в то время как Фуше говорит, что, проходя через страдания как золото через огонь, крестоносцы тем самым очищаются от грехов. Можно предположить, что в данном случае хронист попытался совместить сразу две модели толкования выпавших на долю крестоносцев страданий — как воздания за грехи с последующим очищением от них и как испытания («модель Иова»).

Последняя модель с некоторыми особенностями обнаруживается у Рауля Каэнского. Свой рассказ о голоде, постигшем франков после захвата Антиохии, Рауль начинает следующей фразой: «*Ergo ubi jam paleas repulerunt vannus et aura, / Purum quod remanet frumentum, aurum igne probatum* (курсив мой — Е. Г.) / *Purgatum terrae, gens imperterrita, constans, / Sed lacerata fame, miserabilis, irrequieta, / In spem vivendi currunt ad opes moriendi*»¹⁶.

Очищение зерна¹⁷ и золота в данном случае — это отделение грешников от праведников, которое Господь проводит с помощью испытаний. Последняя строка цитаты ясно подразумевает под собой награду после перенесенных трудностей и может быть отсылкой к *Sap.* 3.1–6, тогда как вся фраза — к *Zach.* 13.8–9. В этом случае следует рассматривать крестоносцев как избранный народ, прошедший испытание. Наконец, хронист характеризует крестоносцев как *gens imperterrita, constans* — возможно, в данном случае он имплицитно отождествляет их с Иовом¹⁸. В целом данный пассаж содержит комплекс неявных взаимодополняющих отсылок к Библии.

В хронике Ордерика Виталия образ «золота, испытанного огнем», применяется уже по отношению к восточным христианам. Описывая захват Иерусалима в 1099 г., хронист сообщает, что жившие в нем армяне, греки и сирийцы, которые, несмотря на притеснения со стороны мусульман, сохранили христианскую веру, все собрались у церкви Гроба Господня. «*Tancredus autem cum sua cohorte, viarum ignarus, Dei nutu illuc advenit, et praefatos homines per orationes et religiosos eorum gestus, Christicolae esse cognovit. Isti, inquit, Christiani sunt. Nemo igitur vestrum aliquo modo illis noceat! Non enim huc venimus, ut cultores Christi laedamus, sed ut a saevis exactoribus eruamus. Fratres nostri sunt et amici, fideles in multis tribulationibus ut aurum in fornace hactenus probati*»¹⁹. Ниже он еще раз возвращается к библейскому символу при описании похода 1101 г. по Малой Азии: «*In illis enim regionibus Syri et Armenii, Barbaris mixti,*

¹⁶ *Radulphi Cadomensis Tancredus*, cura E. d'Angelo. — Turnhout, 2011. — CCLX, P. 71.

¹⁷ Сравн. : *Job* 21.18; *Math.* 3.12; *Luc.* 3.17.

¹⁸ Сравн. : «*simplex et rectus ac timens Deum et recedens a malo*» (*Job* 1.1).

¹⁹ *Orderici Vitalis Historiae Ecclesiasticae Libri Tredecem*, 5 t., ed. A. Le Prevost. — Paris, 1838–1855. — Т. 3. — P. 607–608.

habitant. In casilibus passim degentes, Turcis serviebant, annum vectigal pro pacis et securitatis emptione publice reddebant, et christianam nihilominus legem, probati persecutionibus ut aurum in camino, devote servabant»²⁰.

В отличие от Фуше, мотив наказания за грехи здесь не просматривается. Хронист полностью сосредотачивается на том, что, сохранив под властью язычников чистоту веры, местные христиане с честью прошли посланное им испытание и тем самым заслужили награду. Показательно, что Ордерикус использует библейский образ по отношению к восточным христианам, которые не всегда рассматривались франками как «истинные» христиане. Тем самым они как бы приравниваются к крестоносцам, а их вера признается истинной.

Наконец, Гийом Тирский в своей хронике описывает жестокую казнь эдесских армян Балаком ибн Бахрамом в 1123 г.: «Predictos autem Armenios, viros strenuos et fideles, qui ut regem et dominum suum a vinculis solverent tantis se exposuerant periculis, variis affecit cruciatibus: alios enim vivos decorari fecit, alios serra dividi per medium, alios viventes sepeliri, alios pueris suis quasi signum ad sigittandum tradi. Qui etsi coram illis tormenta passi sunt, spes tamen illorum immortalitate plena est et in paucis templati in multis bene disponentur (курсив мой — Е. Г.)»²¹.

Выделенная фраза является прямой цитатой из *Sap.* 3.4. Хронист опускает следующую часть цитаты: «...quoniam Deus tentavit eos, et invenit illos dignos se. Tamquam aurum in fornace probavit illos, et quasi holocausti hostiam accepit illos, et in tempore erit respectus illorum» (*Sap.* 3.5–6); однако не вызывает сомнения, что он держал ее в памяти. В свете отрывка *Sap.* 3.1–6 мы можем точнее интерпретировать этот пассаж. Гийом говорит буквально следующее. Страшные пытки, перенесенные армянами, являются испытанием их стойкости и веры. Погибнув телесно, после смерти они получают от Бога заслуженную награду в виде вечной жизни. Фактически здесь армяне объявляются мучениками за веру²² и таким образом уподобляются франкам. Как известно, идея мученичества за Христа приобрела значительную популярность в эпоху крестовых походов. В качестве одной из разновидностей мученичества рассматривалась именно казнь пленных христиан, часто следовавшая за отказом отречься от Христа²³. Эпизод, приведенный Гийомом Тирским, в полной мере соответствует этой модели²⁴.

²⁰ Orderici Vitalis *Historiae Ecclesiasticae Libri Tredecem*, 5 t., ed. A. Le Prevost. — Paris, 1838–1855. — Т. 4. — Р. 129.

²¹ Guillaume de Tyr, *Chronique*, éd. R. B. C. Huygens. — Turnhout, 1986. — XII : 19, Р. 570.

²² В этом отношении («золото, испытанное огнем», как символ мученичества за веру) повествование Гийома схоже с хрониками Фуше Шартрского и Рауля Каэнского.

²³ Подробнее см. : *Деяния франков и прочих иерусалимцев...* — С. 140–142; Заборов, М. *Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография*

Наше исследование показало наличие некоторых расхождений между использованием хронистами библейского образа «золота, испытанного огнем». У Фуше это двойственный символ, обозначающий как наказание за грехи, так и испытание веры, у остальных хронистов — только испытание. Практически во всех случаях образ используется по отношению к народам (крестоносцам, восточным христианам), что может быть скрытой отсылкой к *Zach. 13.8–9*. Но в целом образ «золота, испытанного огнем», зафиксированный нами на страницах хроник, в известной степени многозначен. Зачастую он может отсылать читателя сразу к нескольким библейским контекстам, каждый из которых актуализируется в зависимости от того, под каким углом идет прочтение хроники. Эта его «многоголосность» и составляет особенность нарративной стратегии хронистов.

«Золото, испытанное огнем» выступает у хронистов как символ мученичества²⁵, хотя такая трактовка и отсутствует в Библии. Это свидетельствует о том, что хронисты не просто механически заимствовали библейский символ, но переработали его в собственных целях, снабдив новым, актуальным для них контекстом. По всей видимости, это делалось для того, чтобы снять психологическое напряжение у сражавшихся крестоносцев, укрепить их, уменьшить их страх перед смертью²⁶, предложив в качестве компенсации надежду на посмертное вознаграждение.

XI—XIII вв.). — М., 1966. — С. 204—205; Лучицкая, С. И. *Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов*. — СПб., 2001. — С. 106—112; Erdmann, C. *The Origin of the Idea of Crusade*, tr. M. W. Baldwin, W. Goffart. — Princeton, 1977. — P. 343—345; Riley-Smith, J. *The First Crusade and the Idea of Crusading*. — London : NY., 1993. — P. 114—118.

²⁴ Мы полагаем, что в данном случае Гийом, чьим источником была хроника Фуше Шартрского (*Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana...* — III : 26, S. 692), целенаправленно конструирует «дискурс мученичества». К сведениям Фуше он добавляет цитату из Книги Премудрости Соломона, а также перерабатывает описание мучений, делая его более кровавым. Сравн. с типичными для «дискурса мученичества» описаниями у других хронистов: *Anonymi Gesta Francorum...* — II : 9, S. 125—127; *Gallerii Cancellarii Bella Antiochena*, hrsg. H. Hagenmeyer. — Innsbruck, 1896. — II : 7, S. 91—94; *Guibert de Nogent, Dei Gesta per Francos et cinq autres texts*, éd. R. B. C. Huygens. — Turnhout, 1996. — II : 10, P. 125—126.

²⁵ Сравн. : Аверинцев, С. С. Золото в системе символов... — С. 420—421.

²⁶ Сравн. : *Деяния франков и прочих иерусалимцев...* — С. 222. Эта задача была важна еще и потому, что помимо мученичества существовало и другое истолкование посылаемых крестоносцам лишений и несчастья — наказание за грехи. См., например: *Anonymi Gesta Francorum...* — XV : 4, S. 260—261. Его отголоски видны и в приведенном выше отрывке из хроники Фуше Шартрского.